

Письма Е. Н. Калайдович (Беркут) С. Ф. Платонову 1879–1880 гг.: «...оставайтесь всегда преданным другом...»

В. В. Митрофанов

*Университет при Межпарламентской ассамблее Евразийского экономического сообщества,
Санкт-Петербург, Россия. viktor-n1962@mail.ru*

Публикуемые письма за 1879 и 1880 гг. показывают, что на данном этапе дружба, возникшая между С. Ф. Платоновым и Е. Н. Калайдович, испытала серьезный кризис, который, к удовлетворению сторон, был успешно преодолен. В круг их общения гармонично вошел В. Н. Беркут — студент Московского университета.

В это время в жизни корреспондентов произошли большие перемены. Они затронули прежде всего их личную жизнь. С. Ф. Платонов успешно учился в С.-Петербургском университете, в это время серьезно заболел отец и умер первый профессиональный рецензент его поэтических опытов В. Ф. Кеневич.

Судьбоносная встреча с В. Н. Беркутом для Евгении Николаевны закончилась свадьбой и определила всю её дальнейшую судьбу.

Взаимная переписка С. Ф. и Е. Н. продолжала оставаться важным фактором благотворного взаимовлияния, к которому активно подключился их новый общий друг.

В письмах приведено немало сведений о процессе образования наших героев. В круг чтения Е. Н. вошли авторы, прежде всего зарубежные профессиональные историки и философы, труды которых изучались В. Н.

Предлагаемые эпистолии продолжают предыдущие публикации и позволяют конкретизировать отдельные малоизвестные факты из студенческой жизни С. Ф., уточняется время получения им лекций В. О. Ключевского. Впервые упомянуто имя М. С. Корелина — будущего профессора, который был в дружеских отношениях с В. Н. Приведено немало интересных сведений о последнем, на фоне их малочисленности. Они насыщены ценными сведениями и позволят восстановить отдельные страницы его жизни и творческой биографии.

Ключевые слова: *С. Ф. Платонов, Е. Н. Калайдович, В. Н. Беркут, кризис общения, дружба, взаимовлияние, переписка.*

Два года активного общения и интересной и столь объемной переписки между С. Ф. Платоновым и Е. Н. Калайдович (Беркут) переросли в человеческую дружбу, которая проверялась временем и характерами корреспондентов. Естественно, что порой возникали и сложности в понимании и объяснении поступков, появлялись новые интересы, увлечения, знакомства. О всех перипетиях, которые возникли между С. Ф. Платоновым и Е. Н. Калайдович (Беркут), мы узнаем из публикуемых писем за 1879 г. — 14 штук и за 1880 г. — 6 штук¹. Как видим, их количество резко сокращается.

В 1878 г. С. Ф. Платонов стал студентом, 1 августа 1879 г. произошло его личное знакомство с В. Н. Беркутом и началась их активная переписка [Митрофанов, 2010, с. 151–218]. Она являлась главным каналом, по которому С. Ф. Платонов получал ценную информацию, прежде всего о жизни историко-филологического факультета

Московского университета. Именно в них сообщались сведения о преподавателях университета, в том числе о В. О. Ключевском, методике проведения семинарских занятий, их тематике. Кроме того, в письмах даны запоминающиеся характеристики профессорам, порой нелицеприятные. Ценным являются лаконичные характеристики содержания читаемых ими курсов.

В 1879 г. нашего юного героя не обошли стороной печальные события. Среди них смерть гимназического учителя 23 октября, можно сказать, больше, чем учителя, первого профессионального рецензента его поэтических опытов и советчика по теории стихосложения В. Ф. Кеневича. Он известен серьезными трудами, создавшими ему авторитет среди филологов. Следует назвать прежде всего автобиографию Августа Людвиг Шлецера [Общественная..., 1875] и примечания к басням И. А. Крылова, единственный в своем роде справочник по творчеству баснописца [Библиографические... 1868; Кеневич, 1864]. Имя В. Ф. Кеневича было известно в Академии наук, он был привлечен Я. К. Гротом к работе

¹ Письма Е. Н. Калайдович (Беркут) С. Ф. Платонову // ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 2274. Л. 22–64 об.; 2275. Л. 1–3 об.

по подготовке к изданию полного собрания сочинений Р. Г. Державина.

В своих известных автобиографических произведениях С. Ф. Платонов, находясь на вершине славы, умудренный жизненным и профессиональным опытом, дает следующую характеристику В. Ф. Кеневичу: «Это был умный, образованный и добрый человек, умевший близко подойти к ученикам и установить с ними интимную близость» [Платонов, 2017, с. 215]. Сошлись же они на почве любви к поэзии. «...Кеневич случайно узнал о моих стихотворных опытах. Прослушав два-три моих стихотворения, он нашел, что мною стоит заняться, и позвал меня к себе» [Платонов, 2017, с. 215], — писал С. Ф. Платонов. При этом с высоты прожитых лет заметил: «не скажу, чтобы увлечение Кеневича моей лирикой было для меня полезно» [Платонов, 2017, с. 215], а «его влияние на меня оказалось скоропреходящим и ослабело еще до его кончины» [Платонов, 2017, с. 231]. Но в другом направлении — убеждении и указании на университет как закономерного пути В. Ф. Кеневич «настаивал на том, что я обязан для обработки своего «дарования» получить соответствующее образование, историко-литературное. Ему казалось, что мне следует идти или на филологический, или на восточный факультет. В долгих, иногда до рассвета, шедших беседах знакомил меня Кеневич с предстоящими мне занятиями в университете...» [Платонов, 2017, с. 216]. В личном фонде академика выявлена самая первая его научная работа «Заметка об употреблении Ъ»¹, подготовленная по заданию В. Ф. Кеневича. Московские друзья откликнулись на его смерть, зная о близких отношениях с ним С. Ф. Платонова. В. Н. Беркут писал 2 ноября: «Слышал о вашем горе и вполне присоединяюсь к вам, как друг неизменный и вполне сочувствую» [Митрофанов, 2019, с. 193].

Очень тяжело переживал С. Ф. Платонов болезнь своего отца, что не могло не отразиться на его настроении и университетских занятиях. В это трудное для маркиза время живое участие приняла Е. Н., которая не раз писала о своих чувствах к нему в этой сложной жизненной ситуации.

Положение было очень серьезным, С. Ф. Платонов не посещал много занятий, рассматривался даже вариант пропустить год университета, как это сделал В. Н. Об этом он сообщает своим дру-

зьям и просит совета, который и получает от Беркута в письме от 11 декабря 1879 г. [Митрофанов, 2019, с. 194].

Для Евгении Николаевны 1878 г. был мало сказать значимым, скорее главным событием в жизни. Отношения с В. Н. Беркутом получили дальнейшее развитие, строились серьезные планы, которые в силу ряда причин были настолько стремительны, что они стали мужем и женой уже в начале февраля 1880 г. Сохраняя честность в общении с маркизом, Е. Н. посвящает его в историю своих отношений с В. Н., начиная с весны 1878 г. Окружающие заметили их симпатии друг к другу, прежде всего не стала тайной их переписка, которая получила легализацию. Но встречи ограничивались раз в две недели, что вызывало большие неудобства для общения. Влюбленные определили для себя срок в три года для проверки своих отношений, но уже после года редких встреч они стали тяготиться установленной датой. В. Н. вышел на серьезный разговор с бабушкой и матерью Е. Н., а следом и со своим отцом. Последняя преграда была преодолена, когда состоялся разговор В. Н. с матерью. Результатом этих напряженных бесед стал 21 октября — значимый день в жизни Е. Н. и В. Н.: они получили благословение, и теперь их отношения перестали быть секретом для широкого круга друзей и знакомых.

Будущие супруги с родными приняли решение о скромном венчании и возможной поездке в Тверь. Свадьба назначается на начало июня — 4 или до 8. Но события развивались по другому варианту. Причина такой спешности в действиях правительства, которое готовило запрет жениться студентам.

Определенный душевный покой у Е. Н. был следствием отсутствия матери, уехавшей с дочерью Соней почти на год в Италию.

Между тем у С. Ф. Платонова и Е. Н. продолжалось наметившееся охлаждение в общении, о котором упоминалось в предыдущей публикации [Митрофанов, 2021, с. 89–110]. Письма из Москвы становились все реже. После 27 ноября 1878 г. прошло больше месяца, начался новый год, но известий по-прежнему всё не было. О раздумьях и страданиях по этому поводу свидетельствуют записи в дневнике С. Ф. Платонова за январь 1879 г.: 9 числа. «Москвичи меня бросают... Бог с ними! Горько мне это, но кто виною? Вероятно, сам. Будьте счастливы! Вы — не я, вы достойны счастья»; утром 18 января. «Из Москвы писем нет... О Боже мой! Все против меня. Неужели трудно сесть и написать три строч-

¹ Заметка об употреблении «Ъ», писанная для В. Ф. Кеневича по поводу статьи в «Др[евней] и новой России» // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1240. Л. 1–1 об.

ки? Или меня забыли... или прогнали? Я до тех пор писать не буду, пока мне письма не напишут. Более надоедать нечего»; 27 запись сделана днем. «Они для меня утеряны: ясно, что московские меня бросили...»¹. Накануне, 26 числа он погружается в воспоминания, дает оценку встрече с Е. Н. летом 1877 г.: «Харино положительно подействовало на мои чистые воззрения, укрепив их на века, и отрицательно на цинизм и пошлость»². Взволнованность была на пределе, и молодой человек не выдерживает, нарушает свое обещание и пишет сам, о чем читаем в ответном письме от 30 января. Е. Н. пишет, что «*нашла свою дорогу, нашла и спутника?*».

В ответ на это письмо свои переживания С. Ф. доверял дневнику. 15 февраля вечером он записал: «Что картинничать перед собой! У меня нет более друга. Посестрима отошла от меня волею судеб, С. Ю. — волею света, Вл[адимир] Ник[олаевич] — не знаю почему: работы что ли и жизни много? Наверно. И никого из них винить нельзя»³. Тяжелые переживания приводят к новой идее, которая была записана 26 февраля в 4 ч. дня: «Я теперь ищу недостающего мне друга и спутника, который мне более, чем необходим»⁴.

В 1879 г. произошли и менее важные внешние изменения, например, к подходу о частоте писем — «*пишите, когда хотите...*», в одном из писем нет вообще обращения, подписано письмо официально Ев. Калайдович. Но будет в этом году и привычная, такая дорогая подпись «маркиза», как и обращение «маркиз». Наряду с прежними появляется и новая подпись, которую Е. Н. делает с гордостью, с достоинством, с душевным подъемом — Евгения Беркут. В одном месте письма от 24 февраля промелькнуло обращение «тебя», заканчивается же письмо не принятым ранее окончанием: «*ну прощайте*».

Тема о москвичах в дневнике С. Ф. Платонова исчезает на целых полгода. Только 1 июня С. Ф. Платонов вновь возвращается к ней: «А московская дружба, как о ней ни думай, к[а]к над ней не мудри, в прежнем значении не восстанет. А для тех людей я готов душу положить, жизнь отдать»⁵.

Но в это время разрыва не произошло. Они нужны были друг другу, да и легко вошедший

в их компанию В. Н. и стал оказывать благоприятное воздействие на старых друзей. Летние встречи, беседы, разговоры, споры помогли понять ситуацию и сгладить противоречия.

Уже 10 сентября 1879 г. появляется в дневнике Платонова запись, которая свидетельствует о преодолении кризиса в отношениях с Е. Н.: «Большая перемена, происшедшая в моих отношениях к московским друзьям и к некоторым родственным мне лицам, ещё прибавляла внутренне-го довольства»⁶. С. Ф. часто думает о дружбе со своими друзьями, происходит определенная ее переоценка. Об этом свидетельствуют дневниковые записи: 21 сентября: «Относительно Москвы — тогда я впал в недоразумение. Теперь для меня Москва ближе. Мне кажется даже, что я выбрал на дорогу. По крайней мере, я доволен, я работаю, я спокоен, я даже счастлив своим покоем»⁷. 30 сентября: «Дружба моя с Московск[ими] людьми не есть обыкновенная дружба, но апофеоз её, дружба, в которой идея дружбы с идеей индивидуальной свободы слились в одно целое, одно привлекательное целое, и составили для меня обильный источник умственных, нравственных и душевных наслаждений, в к[ото]рых я обретаю необходимую мне силу...»⁸.

Замужество оказало благотворное влияние на Е. Н. Она продолжает заниматься самообразованием, готовится к третьему курсу филологического факультета, на очереди большой список серьезных произведений Бокля, Гейссера, лекции по Римской истории Герье, Фишера и др. С интересом читает психологию Троицкого. Появилось новое направление в чтении: она увлекается книгами по зарубежной истории, теми, которые нужны и интересны для работы В. Н. Среди них такие авторы, как Лекки, Шлоссер, Курциус, Тэн, немало книг, посвященных Французской революции.

Из отечественной классики её привлекает М. Е. Салтыков-Щедрин, продолжающий философски осмысливать спор представителей разных поколений. Е. Н. читает, пожалуй, самый известный журнал того времени — «Отечественные записки», чем продолжает традицию своих известных дедушек. Проявлением определенных либеральных её устремлений следует считать и указание на газету «Курьер» (имеется в виду «Русский курьер» — ежедневная газета, выходившая в Москве с 26 июня 1879 г. по 17 сен-

¹ Дневник С. Ф. Платонова // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1219. Л. 12, 14, 16 об.

² Там же. Л. 14 об.—15.

³ Там же. Л. 18 об.

⁴ Там же. Л. 20.

⁵ Там же. Л. 26 об.

⁶ Там же. Д. 1220. Л. 10.

⁷ Там же. Д. 1219. Л. 29.

⁸ Там же. Д. 1220. Л. 16.

тября 1889 г. и в 1891 г.), кстати, рекомендует её побратиму, а потом вновь интересуется — читает ли он газету.

Пишет Е. Н. и о Курсах, которые посещает, упоминает преподавателей, например, А. И. Стороженов, А. И. Чупрова, В. О. Ключевского. 11 февраля 1880 г. впервые упомянут М. С. Корелин — друг В. Н., читавший там лекции, дана краткая характеристика его манеры ведения занятий, правда, не совсем удовлетворительная. Заметим, что это имя на страницах писем в последующее время будет упоминаться часто, что откроет немало неизвестных фактов из биографии М. С. Корелина, которого называют «неординарной фигурой в профессорской корпорации Московского университета конца XIX в.» [Цыганков, 2016, с. 120]. Заметим, что имя ученого, его творчество, вклад в изучение итальянского гуманизма сегодня находится в центре исследовательского интереса [Цыганков, 2008; Переписка..., 2014; Ильяшенко, 2014].

Среди серьезных увлечений остается театр, так, уже с В. Н. смотрят оперу «Демон».

Взаимное влияние маркиза и маркизы продолжается. Е. Н. активно вступает в диалоги, а порой и в споры со своим повзрослевшим другом по актуальным вопросам, которые он поднимает в письмах: организация общества по доставлению уроков студентам, увлечение девушками. Их интересуют серьезные философские проблемы — дружбы, правды, честности, будущего.

Следовательно, письма Е. Н. позволяют реконструировать образ мыслей, волнующие вопросы теперь уже студента Платонова, о выборе пути в жизни, о тропинках, возникающих в этом движении. Показательным является поздравление в Новым 1880 годом посестримы. Оно интересно прежде всего ожиданиями в их отношениях. К осени 1879 г. охлаждение стало спадать, но позиция С. Ф. к московским друзьям меняется, это видно по стилю и содержанию его писем. Главное — удалось сохранить дружбу, которая продолжалась, так как сохранялась потребность в духовном общении, выработанная прежними двумя годами переписки. Она отвлекала от хандры, вовлекала в общественно важные дела.

Особенностью репрезентованных эпистолий является наличие фрагмента письма С. Ф. Пла-

тонова. Его ценность заключается в том, что содержание позволяет увидеть манеру составления писем именно Е. Н., стиль изложения, тематику и аргументацию.

Письма отдельными штрихами конкретизируют студенческую жизнь С. Ф. Так, среди новостей узнаем, что К. Н. Бестужев-Рюмин дал тему для работы, посвященную земским соборам. Эта тема затронута и в письме от 18 апреля 1880 г. двоюродной сестре Серафиме, где авторитетный преподаватель именуется «лучшим профессором, знаменитым ученым», «как профессор — превосходен». Заметим, что это первые оценки К. Н. Бестужева-Рюмина, данные С. Ф. Платоновым. До сих пор были известные отклики в письме Я. Л. Барскову, датированные 17 октября 1884 г. [Письма... 1998, с. 380]. Мы можем пока только догадываться, что было написано о К. Н. Бестужева-Рюмине Е. Н.

Письмо Е. Н. от 5 ноября 1880 г. позволяет устранить неточность В. А. Колобкова, утверждавшего, что «в 1881 г... Платонов получил от своих московских друзей литографический курс лекций Ключевского» [Колобков, 1995, с. 140]. По всей видимости, они ему дали их во время летней встречи в Симонове в 1880 г. Тем более к этому времени было уже несколько курсов молодого преподавателя (1878–1880 гг.).

В одном из писем находим важную информацию биографического характера с родословной Калайдовичей. Оказывается, родственников было много, но не со всеми поддерживались связи, даже эпизодические.

Таким образом, новая подборка писем Е. Н. является важным источником не только взаимного общения Е. Н. и С. Ф., она дает возможность погрузиться в интересы передовой молодежи 1870–1880-х гг., понять их взгляды, интересы, увлечения. На этом фоне можно реструктурировать и пору взросления С. Ф., его первый год студенческой жизни, семейные трудности. Наметившийся разрыв между маркизой и маркизом удачно был преодолен, в круг их интимного общения гармонично вписался В. Н.

Нумерация публикуемых писем продолжает переписку, представленную в предыдущем номере данного издания [Митрофанов, 2021, с. 89–110].

**Письма Е. Н. Калайдович (Беркут) С. Ф. Платонову за 1879–1880 гг.
(отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2274. Л. 22–64 об.; Д. 2275. Л. 1–3 об.)**

№ 44

// Л. 22. 30 января 1879.

Пожалуй, и не поверите, что собралась только что писать вам, маркиз, к[а]к получила ваше письмо; это, конечно, не очень вероятно после моего двухмесячного молчания. Не стану оправдываться, не стану и извиняться, хотя меня давно совесть мучает за то, что я долго не писала вам; я знала, что вы должны волноваться и поэтому просила Соню передать вам, что у меня дела масса; (это совершенная правда, не отговорка), а между тем я все подумывала — к[а]к бы мне написать вам. По правде сказать, все это время я т[а]к занята была своими¹ делами, что ни о чем и ни о ком другом и не думала; конечно, это эгоизм, но вы поймете, что ведь всякому человеку жить // л. 22 об. хочется. Вы просите объяснения; зачем вам оно? Разве вы сами ничего не понимаете? Или я не говорила вам, что я живу, живу теперь полною счастливою жизнью, что я нашла свою дорогу, нашла и спутника? Да разве это вам ничего не объясняет? Разве я смела остаться тою же, что была в прошлом году?

Я об вас хорошего мнения; я считаю вас за честного и умного человека, все т[а]кже, по-прежнему, желаю вам добра, благополучия, успехов, но вы просили правды, вот она, поймите, я теперь не могу т[а]к говорить с вами, к[а]к говорила в прошлом году. Мне тяжело писать это, я надеялась, что вы лучше поймете меня, сами догадаетесь, // л. 23 что невозможно мне было не измениться, невозможно по-прежнему откровенничать, когда я уже не принадлежу себе. Да и к чему? Все что меня огорчает, я скажу — Вл[адимир] Ник[олаевич] и вы, к[а]к друг, не можете ревновать меня; другое дело если б у вас было иное чувство, но этого нет, и благодаря этому наши хорошие, дружеские отношения сохраняются, я надеюсь надолго, если вы только не будете просить того, чего я не могу вам дать. Я вам писала в прошлом году о моей тоске, о моих метаниях, мне нужно было чтобы кто-нибудь мне сочувствовал; теперь — я покойна, я счастлива, и вы не довольны? Поймите, может быть через год, два, я буду писать вам по-прежнему часто, но ведь это первое счастливое время и неужели меня можно обвинять за то, что я вполне отдаюсь своему счастью, живу полною, настоящею жизнью? Вот

¹Здесь и далее подчеркивания в ркп.

вам ответ; надеюсь вы поймете его: я может быть слишком пряма, но вы просили об этом.

Пишите, когда хотите, я напишу, когда захочется, может быть и очень скоро.

Теперь у нас все здоровы, бабушка хворала. Школа очень заботит меня, я довольна успехами. Сама учусь, но тоже недостаточно, советую вам погрузиться «в искусство, в науки». Скажите своей мамаше, что я и не думала вас бросать, и кланяйтесь ей. Будьте умником, паинькой. Ев Калайдович.

№ 45

// л. 24. 24 февраля 1879 г.

Очень я рада, что вы теперь перестали волноваться и кажется чувствуете себя лучше в нравственном отношении, чем осенью. Меня, по правде сказать, огорчало ваше, ну, как это назвать?... неблагоразумие, потому что мне вовсе не хотелось прекращать моих хороших отношений с вами, а прежнего быть не могло. Вы сами знаете, что мне уже нечего искать утешения. Но я все-таки, по свойственной старушкам ворчливости, хочу побранить вас; я не совсем поняла вас или уж вы меня не поняли. Вы пишете о том, что бываете в обществе, что развлекаетесь и даже развлекаетесь настолько, // л. 24 об., что мало работаете, что стали «светской обезьяной». Неужели я советовала вам это? Если я говорила о необходимости общества, то лишь в видах развлечения, ближайшего знакомства с жизнью, которой бы вы остались чужды, зарываясь в книги. Я помню, что говорила о женском обществе, но, конечно, не в видах того, чтобы видеть вас любезником «светской обезьяной», к[а]к вы говорите; хорошее женское общество благотворно действует на молодежь, имеет очищающее нравственное влияние.

Вот и нехорошо, что вы мало занимаетесь, пот[ому] что в сущности это самое важное для вас в настоящее время. Что же касается до желания // л. 25 любить, скажу одно: подождите! Не можете вы сравнивать меня с собой, во-первых, я много старше тебя, а во-вторых, я уже многое пережила. Я тосковала и томилась, потому что не видела вокруг себя никого, кто мог удовлетворить меня, наставить меня на настоящую дорогу. Кстати, о дорогах, не рассердитесь, я дам вам хороший совет: будьте осторожны с Рихтером и со всем

кружком Митковых: *на этом пути*¹ вы мало найдете для себя полезного.

Благодарю за готовность помочь в переписке с Соней: мне не о чем ей писать. А если будете у них, посмотрите хорошенько на нее и потом напишите — какое впечатление она производит.

// л. 25 об. Влад[имир] Ник[олаевич] здоров и очень занят; не знаю, напишет ли вам², он теперь пишет свое сочинение. Я читала ему ваше письмо, и он велел вам кланяться и пожелать всего хорошего.

Вчера я была в последнем концерте Симфон[ического] общ[ества]; простилась до будущего года, хороши эти концерты, я их люблю.

Моя школа идет понемногу, инспектор сказал, что трое ребят могут держать экзамен; судите сами — много ли у меня дела, если я хочу их хорошенько подготовить. Ну, прощайте, учитесь, учитесь больше всего, не хандрите и ждите счастья: «Оно придет, оно придет» — скажу стихами Мосолава. Е. Калайдович.

№ 46

// л. 26. 30 марта 1879 г.

Для великого праздника, вы, вероятно, простите мне мои прегрешения, а главное — мое долгое молчание. Объяснять отчего оно произошло я не стану, но прошу вас верить, что причины были уважительные. Если хотите, я готова даже согласиться в том, что я была не права, потому что говела на этой неделе и чувствую себя в самом благодушном настроении духа. От вашей матери вы, вероятно, уже имели сведения обо мне; когда она была у нас, я чувствовала себя совсем нехорошо. Теперь мне лучше; вероятно, я немного устала в школе и поэтому очень радуюсь // л. 26 об. теперь двухнедельному отдыху, который хочу посвятить на посещение своих знакомых и Антропологической выставки, которая откроется у нас на днях, а главное на чтение. Как я не хлопочу, а все читаю мало; книги же у меня прекрасные: на днях купила себе Бокля³ и получила в подарок сказки Андерсена и Некрасова. Сейчас только кончила Франц[узскую] Револю[цию]⁴ Гейссера⁵, прекрасная вещь; если вы не читали,

¹ Текст курсивом написан над строкой.

² Нет, не написал.

³ Бокль Генри Томас (1821—1862) — английский социолог и историк, прославившийся благодаря фундаментальному труду «История цивилизации Англии».

⁴ Гейссер Л. История Французской революции: 1789—1799/ Пер. с нем. под редакцией А. Трачевского. М.: Типография А. Пороховщикова. 1870. 459 с.

⁵ Гейссер (Людвиг Nä usser) (1818—1867) — известный немецкий историк.

то рекомендую прочесть. У меня теперь лекции Герье⁶ по Рим[ской] истории⁷, суховато немного, но я одолеваю его без особого труда. Четвертый том Фишера⁸ еще не начинала, хотя // л. 27 он уже давно лежит у меня на столе. Вот отчет вам о моих занятиях, к[а]к видите, живу помаленьку,

тихохонько, смирихонько. Что это на Вас страх напал по поводу экзаменов? Стыдитесь, маркиз, я не хочу допускать и мысли, что вы не готовились; если же вы паче чаяния занимаетесь мало, советую поскорее исправиться, потому что вы в настоящее время вашей единственной и неизменной целью должно быть приобретение возможно большего количества знаний, чтобы потом служить своей Родине. От души желаю успеха. Что же касается недоразумений, // л. 27 об. «сомнений и объяснений, скажем: почивайте в мире» и... оставим их. Я отношусь к вам дружественно и искренне, будьте и вы умным мальчиком. Вл. Ник. очень занят своим сочинением и боится не успеть его кончить, но я уверена, что страх напрасный. Он работает без отдыха почти. У нас дома все здоровы: царствует полнейшее спокойствие и тишь, живется хорошо. Дай Бог, чтобы многим жилось т[а]к, к[а]к мне. Поклонитесь вашей матери. Заранее говорю вам: Христос воскрес! О, если б он воскрес и у нас всех в сердце! Будьте здоровы. Желаю веселых праздников. Маркиза.

№ 47

// л. 28. Долго не писала вам, но дела было много; не ответила на ваше письмо, но мне предстояли экзамены, сегодня они кончились, и я свободна и счастлива.

Трое моих ребят получают льготное свидетельство, это была цель всех моих желаний. Поздравляю и вас с окончанием экзаменов и очень буду рада вас видеть и поговорить с вами. Надеюсь,

⁶ Герье Владимир Иванович (1837—1919) — русский историк, общественный деятель, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1902), профессор всеобщей истории Московского университета (1868—1904).

⁷ Римская история: Лекции ординарного профессора В. И. Герье. СПб., 1879. 409 с.

⁸ Фишер Куно (1824—1907) — немецкий историк философии. был очень популярен в России во второй половине XIX — начале XX веков. Он автор «История новой философии» (1852—77, рус. пер. т. 1—8, 1901—09), где представлен материал об учениях, жизни и деятельности Ф. Бэкона, Р. Декарта, Б. Спинозы, Г. В. Лейбница, И. Канта, И. Г. Фихте, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля, А. Шопенгауэра. К. Фишер также изучал историю литературы и стал автором работ о И. В. Гёте, Г. Э. Лессинге, Ф. Шиллере, У. Шекспире. Том 4 имеет название «Иммануил Кант и его учение».

что в этом году мы лучше пойдем друг друга. Вл. Ник. не пишите, потому что его нет в Москве: он уехал на кондицию. Простите, что пишу мало, // л. 28 об., но я т[а]к измучена и утомлена экзаменом, что не в силах писать больше. А все-таки первое, что я сделала по окончании экзаменов, было письмо к вам.

Христос с вами, будьте здоровы и умны. До скорого свидания. Кланяйтесь вашей матери. Е. Калайдович. 4 июня 1879 г.

№ 48

// л. 29 Карандашная помета Платонова: «8-VII-79».

Очень мне было жаль, маркиз что Вы т[а]к уехали; мы только что разговорились и можно было ожидать еще большего от наших разговоров. Что за милое письмо Вы написали; право, я затрудняюсь написать Вам столь же милый ответ, но без ответа Вас оставить нельзя и поэтому я уж постараюсь это к[а]к-нибудь сделать. Вы просите моей дружбы, просите, чтобы отчасти вернулось прошлое. Просимое, маркиз, и останется прошлым, а перед нами будущее, и неужели мы, вспоминая лишь прошлое, не воспользуемся им? Вы надеетесь, что теперь, мне легче будет дать // л. 29 об. Вам мою дружбу Вы не ошиблись, но я буду формулировать это иначе. Не мою дружбу я могу предложить Вам, а нашу? Согласны-ли Вы ее принять и хотите — ли называться нашим другом? Я пишу это не от себя одной, сегодня совершенно неожиданно приехал Вл. Ник., мы говорили о Вас, и он вполне разделяет то, что я пишу Вам. От него у меня секретов нет и если Вы доверяете мне, то невольно бы доверялись ему, но может быть Вы сделаете добровольно и тогда наш друг будет и нашим поверенным, который будет доверяться нам? Хотите?

Относительно Ваших лекций и тетрадок я скажу вам вот что: // л. 30 посылать их по почте кажется мне очень неблагоприятным, и я могу их переслать вам с Сергеем Ивановым, товарищем Вл. Ник., которого Вы тоже немного знаете. Если же бумаги и лекции нужны Вам сейчас, то надо их послать по почте, потому что Иванов поедет должно быть не раньше августа.

Напишите же мне к[а]к поступить, но ответа не ждите очень скоро, не ранее 18-го, 19-го потому что я еду на этой неделе в деревню к Павловым и не могу сказать точно, когда я именно вернусь. У нас все благополучно; я здорова и покойна, только сегодня что-то сильно болит голова и я поэтому случаю позволю себе раньше кончить

// л. 30 об. письмо. Кстати, прошу Вас не сердиться на меня за неаккуратность в переписке; к[а]к настоящему другу, я буду писать Вам, когда захочется и будет время. Вы знаете, что я много занимаюсь и, если бы было возможно занималась бы еще больше, да не могу, глаза устают. А дела много; шутка-ли приготовиться к третьему курсу филологического факультета. Конечно, древние языки в стороне.

Вл. Ник. должно — быть скоро напишет Вам¹. Соня Вам кланяется.

Будьте здоровы, умны и оставайтесь всегда преданным другом, шаловливой, насмешливой, игривой, но в сущности постоянной Маркизе

8 июля 1879 г. Помета С. Ф. Платонова: «Получено 10-го».

№ 49

// л. 31. Карандашная помета С. Ф. Платонова: «30-VII-79».

Мне бы надо опять начинать свое письмо извинением, маркиз, но я этого не делаю потому, что слишком хорошо знаю, что с получением этого письма Вы забудете и гнев, и досаду на меня и будете моим хорошим, умным другом. Я не писала Вам, во-первых, п[о]тому ч[то] я уезжала, во-вторых, п[о]тому ч[то] вернувшись была не в духе и больна. Мне и теперь нехорошо и вместо 8-ми, 9-ти часов в день я буду заниматься пять. Я хандрю по разным причинам, но... я лучше это расскажу после, а теперь отвечу на Ваше письмо.

Вы спрашиваете: знаю ли я Вас, и уверена ли в том, что не разочаруюсь? Вот что я Вам скажу, маркиз: Вы так еще молоды (простите!) // л. 31 об., что перемен в Вас будет еще много, но кто мне поручится, что и я не изменюсь? Одно, вероятно, останется в нас обоих неизменно, т. е. я надеюсь, что это будет т[а]к для меня, а в Вас я уверена: мы с Вами честные люди и честными людьми мы и останемся. Как же мы можем перестать уважать друг друга, неужели мы не станем и понимать один другого? К[а]к бы различны не были наши взгляды и убеждения, правда одна для нас обоих, а разве этого мало, чтобы связать людей искренней и честной дружбой?

Помните, маркиз, не преувеличивайте своих недостатков и не сомневайтесь там, где можно только верить и... любить. Я Вас знаю, и верю Вам, если же увижу в Вас недостатки; // л. 32 то прямо и укажу Вам их, а не подумаю разочаровываться и т. д. Надеюсь, что

¹ Письмо было написано только 11 сентября.

и Вы поступите также со мною, а теперь будьте умны и любите Ваших друзей. Замечательная у меня склонность кончать всякие рассуждения нравоучением; надо бы от этого отвыкнуть, что за педант в юбке!! Теперь поспорим: Вы пишете: «Я нашел многое, Вы (т. е. я) все...». С чего Вы это взяли? Неужели Вы думаете, что я успокоилась, что я считаю себя в обладании абсолютной истины и теперь уже не ищущую, не рвущую в перед? Ошибаетесь: я нашла личное счастье, такое счастье, которое и избранным-то дается редко, но мы не успокоимся. Каждый день, каждая минута вносят // л. 32 об. в мир новые идеи, на йоту двигают прогресс, а мы остановимся? Нет, теперь не такое время, чтобы стоять, теперь надо учиться, думать, работать, надо всеми силами помогать обществу в его поступательном движении на пути к истине, и только тогда, когда уже старость заставит нас сложить руки и уступить место молодым деятелям, только тогда мы можем сказать: «Мы сделали все, что могли!» Найти же все, да разве это возможно? Мы ищем, мы ходим еще ощупью, за одно слава Богу, идем мы по дороге, если мы что и нашли, т[а]к это дорого, а к[а]к мы по ней пойдем, это скажет нам будущее. Будущее! Какими светлыми, радужными лучами освещается оно теперь в моем воображении, // л. 33 каким невообразимым счастьем манит оно меня. Знаете, маркиз, я желаю Вам такого же счастья, какое дано мне и тогда Вы сами скажите: «Нет человека счастливее меня!». А теперь я Вам расскажу, что я не совсем хорошо веду себя, похудела, побледнела, спина болит и вообще очень слаба. Если это состояние продлится, пошлю за Тихомир[овым]. Но настроение духа к[а]к — впрочем судите сами.

У нас тоже и те же. По воскресеньям Разм[адзе], Ал[ексей] Ал[ександрович]¹, Алмазов, который тупеет все более и более, иногда Поповы, через две недели Вл. Ник. Такие долгие расстояния между его посещениями немного тяжелы, но то же делать? Вчера он был у нас и собирается // л. 33 об. писать Вам. Он тоже не совсем здоров был. Занятия английским языком идут успешно и у него, и у меня. Мама и Соня кажется собираются за границу, а, впрочем, Бог их знает.

Ну прощайте, кланяйтесь Вашей матери, будьте здоровы и веселы. А за долгое молчание не сердитесь: ну что-же мне делать, если я уж уродилась

такой впечатлительной, капризной, своенравной и ленивой Маркизой!

30 июля 1879 г.

У Фуфеля семь (7) щенят!

Соня Вам кланяется.

№ 50

// л. 34. Карандашная помета С. Ф. Платонова: «8-VIII-79».

Вы удивитесь такому скорому ответу; но дело в том, что я уже давно ждала вашего письма и даже собиралась сама писать. Мне захотелось поболтать с вами. Моя жизнь т[а]к однообразна и скучна, я так мало вижу умных и настоящих людей, что это еще более заставляет меня ценить моего умного петербургского друга и его милые письма. Я скучаю. Вл. Ник. приезжает в 2 недели раз, это не часто, а все остальное время я проводила за книгами. Пишу проводила, п[отому] ч[то] теперь на время отложила занятия и стала заниматься своим здоровьем. Наша жизнь однообразна, иногда ужасная и даже лишена прогулок. Размадзе мне смертельно надоел. // л. 34 об. Но скоро конец этому, третьего сент[ября] начнется учение и мне необходимо хоть немного поправиться к этому времени. Нервы в ужасном состоянии и от этого настроение переменное. В сущности причин к огорчению нет, но нервные люди иногда хандрят от пустяков, что и было со мной на² прошлой неделе; теперь мне необходимо восстановить силы и я исключительно занимаюсь своим здоровьем. Что же касается до моей энергии, то вы знаете, маркиз, к[а]к ее трудно сломить совсем, да отчего бы ей теперь и сломиться? А поправлюсь еще толи увидите.

Спорить же я с вами буду; найти путь, не значит найти все, п[отому] ч[то] слово все означает совокупность (при³) убеждений, а у меня далеко не // л. 35 все убеждения еще выработаны. Я знаю направление, по которому я пойду и в этом смысле я назвала его путем, но ведь тропинок много и сказать по которой именно я пойду теперь мудро. Я еще не жила, не пробовала своих сил и мож[ет] б[ыть] я буду поступать т[а]к к[а]к вы и даже я сама этого не ожидаем. Что-же касается личного счастья, то и тут не все; я только предвкушаю его полноту, но можно-ли говорить о полном, когда эти противные две недели идут точно черепахи? Вашему увлечению театром сочувствую, я сама очень люблю театр и считаю Фе-

¹ Мартынов Алексей Александрович (1818–1903) — русский архитектор, археолог и реставратор, автор ряда трудов по истории архитектуры и москвоведению. Один из учредителей Московского архитектурного общества.

² Далее *будущей* зачеркнуто.

³ Далее *при* зачеркнуто.

дотову¹ одной из величайших современных артисток. Савиной² не знаю, и поэтому судить о ней не берусь.

Вот вам новость, да еще какая // л. 35 об. крупная; 16-го авг[уста] мать и Соня уезжают за границу на целый год; они обе поручили вам кланяться. Поездка эта — дело решенное и под-писанное. Они за границей встретят много знакомых: Рихтера, Терехова, который проездом за границу был у нас. Он командирован для изучения д[олжно] б[ыть] парадов или чего-то в этом роде. Не огорчайтесь, маркиз, что не увидите Со-ню, она ведь очень удалилась от нас. Теперь я читаю мало, все лекции прочла, сижу только над Шлоссером³, Всеоб[щей] ист[ории]⁴. Хорошая вещь и вовсе не такая сухая, как его XVIII век. Вл. Ник. медленно и старательно одолевает Курциуса⁵ Историю Греции⁶. Вы не сердитесь за его молчание; он вовсе не додумывается, п[отому] ч[то] и додумывать // л. 36 ему нечего, а просто ленится. Что с ним поделаешь? Он говорил мне в последний раз: «Неужели я маркиза меньше люблю, если не пишу ему?» Теперь верно напишет скоро, такое уж он чучело. Право! У нас гостит теперь милейшая и толстейшая тетушка, Елизав[ета] Федор[овна]; она рассказывает пре-уморительные истории о Торжковском житье-бытье и замечательно сохранила до 65 лет живость, веселость и подвижность, поразительная при ее толщине и в ее годах.

Алмазов меня огорчает, пропал, да еще с моим Боклем; он окончательно сбился с панталыку и я потеряла всякую надежду на его исправление. Несчастный он человек и ничего более.

Однако я заболталась с вами, // л. 36 об. а приближается час, в котором я должна ложиться спать. Теперь я точно старуха, все забочусь о гигиене и всячески берегу себя. Впрочем, это извинительно, мое здоровье сильно расстроилось. Тетя велит вам сказать, что Колины вещи надо

¹ Федотова Гликерия Николаевна (1846—1925) — русская актриса, заслуженная артистка императорских театров, народная артистка Республики (1924), Герой Труда (1924).

² Савина Марья Гавриловна (1854—1915) — русская актриса.

³ Шлоссер Фридрих Кристоф (1776—1861) — немецкий историк.

⁴ Шлоссер Ф. К. Всемирная история. В 8-т. /Под ред.: Пер. с нем.: Чернышевский, Серно-Соловьевич и Зайцев. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа. 1868—1877.

⁵ Курциус Эрнст (1814—1896) — немецкий археолог, эпиграфист и историк.

⁶ Курциус Э. История Греции: пер. с нем. Т. 1 / [Соч.] Эрнста Курциуса. М.: Н. Д. Попов, 1858. 284 с.

прислать к Мартынову. Адрес прилагаю. Прощайте маркиз, пишите, когда вздумается и вспоминайте почаще Маркизу.

8 августа 1879 г.

Его превосход[ительству] Алексею Александровичу Мартынову. У Красных ворот, Запасный дворец.

Вл. Ник. будет жить зимою в том же переулке, но в доме Львовой.

№ 51

// л. 37. Помета С. Ф. Платонова: «Получено 8 сент[ября] 1879».

Улыбнитесь, маркиз! Посмотрите; к[а]к хорошо и уютно в моей комнатке, к[а]ким мягким светом обливает и лампа и к[а]кая счастливая, веселая, смешная, маленькая маркиза сидит, завернувшись в голубой платок, лукаво щурится и думает про себя: ну, уж я его развлеку!

Если б вы не хандрили, не дождались бы вы т[а]к скоро от меня письма, но мне стало вас жалко. А me voilà!⁷ А поворчать на вас надо: охота огорчаться, раздражаться тупыми намеками, к[ото]рые говорят глупейшие люди, а если ваши первое уже т[а]к настроены, или вы уже по природе т[а]кой впечатлительный, маркиз, ну что ж излейте вашу желчь в письме ко мне и успокойтесь. Право, жаль тратить // л. 37 об. здоровье и силы на мелочи, когда это еще нам с вами очень и очень пригодятся и м[ожет] б[ыть] даст Бог, и не на пустяки. Ваши планы на счет организации в университете общества для доставления студентам уроков, очень одобряю; кабы это только вам удалось. Старческое горе мне нравится, но Большое место еще более; конечно Щедр[рин] проводит ту мысль, что никто и ничто, кроме тяжелых обстоятельств не виноват в этом разладе, к[ото]рый существует теперь, т. е. за последние 10, 20 лет между старшим и молодым поколением, и к[ото]рый мы, молодые т[а]к больно иногда чувствуем. Что молодой Разумов застрелился, в этом тоже виноваты обстоятельства, к[ото]рые не дали развиться в нем покойному самообладанию и разумному мужеству, без к[ото]рого на свете не проживешь, это он и доказал.

// л. 38. Чувствительность, впечатлительность, анализ, рефлексия — вот наши болячки и многих они заели. А Разумов человек заурядный и много, много таких птенцов. Что-же вас удивляет, что он не оказался героем? По-моему, это такая художественная черта, и отец и сын люди обыкновенные, в этом-то и заключается драматизм их положения.

⁷ А вот и я. — фр.

Сейчас прочла еще раз Щед[рина] в VIII № От[ечественных] Зап[исок] очень недурная вещь, прочтите. Не помню писала ли я вам, что наша учительница выходит замуж, и мы уже взяли другую. Мне очень грустно было расставаться с Дутиком, хороший она человек, а эту еще разобрат не могу, всего три дня к[а]к она у нас.

Мое здоровье теперь лучше и мне вообще веселее; учење уже началось и это меня очень радует; я т[а]к // л. 38 об. была рада увидеть снова своих ребят. У меня 10 человек старших, с ними не трудно и я утомляться не буду. Вчера была у Беркутов; Вл. Ник. несмотря на мои настойчивые напоминания все еще ленится вам написать: вы-бы маркиз, его к[а]к-нибудь изругали, он знаете, порядочный поросенок в этом отношении. Впрочем, за последнее время у него много было дела. Лекции я послала вам с моим дядей Гизетти, напишите получили-ли вы их.

Вот послушайте настоящее реальное горе: Алмазов по 4 дня не обедает, не на что, и негде; ведь нельзя же живя в Москве ходить обедать в Симонов. Уж и не придумаю к[а]к ему помочь.

Сегодня не пишу вам много, хотя и хочется, но я встала в 6 ½ и чувствую некоторое утомление, весь день учила и занималась сама. Прощайте, не хандрите. Желая скорого выздоровления вашему отцу. Маркиза.

Не сердитесь, что мало пишу, право, устала очень¹.

Тетя будет очень рада, если ваша мать возьмет Колю в Петербург: она надеется на ваше доброе влияние².

№ 52

// л. 39. 28 сентября 1879 год.

Что скажите маркиз, если я сообщу Вам хорошую новость? Вы должны за это простить мне и Вл. Ник. что мы³ вам т[а]к долго не писали. А новость вот какая: через месяц вы официально узнаете, что я невеста, а в июне моя свадьба, на к[ото]рой я прошу Вас быть моим шафером.

Порадуйтесь, маркиз, со мною, взгляните к[а]к я счастлива! И к[а]к мы славно заживем, и к[а]к хорошо будем принимать друзей у нас в доме. Слушайте, только пока это секрет, и Вы дома не болтайте, но Вам не долго придется молчать, будьте уверены. Что сказать Вам? Я очень счастлива, мы счастливы, и Вы маркиз, радуйтесь на-

шему счастью. Все-таки мы не совсем плохие люди и хорошо, что мы соединимся.

// л. 39 об. У нас все довольны, его отец тоже согласен, теперь мы казенные. Но мы не изменим нашим отношений даже когда нас объявят женихом и невестой; он будет по-прежнему заниматься уроками и лекциями, я — школой и лекциями.

Но все покойные и легче на душе, кажется теперь на долго все смущения прекратились. А много их было, маркиз, много тяжелых минут я провела в эти два года.

Теперь еще одно волнение: Влад. Ник. болен, у него нарыв в ухе, правда эта вещь не опасная, но очень мучительная и надо беречься. Он даже не приедет в воскресенье к нам. А Вы, маркиз, хандрите?

Да времена трудные теперь и только счастливыцы одни, вроде нас не хандрят: а всем плохо.

№ 53

// л. 40. 4 октября.

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «1879»

Спасибо вам, маркиз, за хорошее письмо и поздравление; оно, действительно было первым и по достоинству, и по времени. Вы просите подробностей, извольте, я расскажу Вам все сначала.

Весною 1878 г. Вл. Ник. начал чаще бывать у нас и мы с ним вдруг к[а]к то особенно сблизились; но сблизились *пока еще⁴* к[а]к друзья. Но вот подвернулась какая-то счастливая минута, мы оба были взволнованы, очарованы, и у него с языка сорвалось это золотое слово. Мы решили ждать три года и никому не говорить, но конечно все видели наши отношения. В первое время еще много было недоразумений между нами самими, пока наконец не узнали друг друга окончательно и не полюбили друг друга тою крепкою, глубокою любовью, к[ото]рая дает высшее блаженство на свете и возможна только между людьми, // л. 40 об. к[ото]рые читают в сердце один другого. Но тут подслужились милые люди, мать узнала о нашей переписке, через нее узнали и все, и мы получили^{5*} право не официально любить друг друга. Бабушка и тетя обе очень полюбили его и вполне оценили; они сознают, что я его не стою, что он лучше меня, но радуются моему счастью.

Между тем нас уже стало брать нетерпение, когда год прошел, два года казались нам уже через чур длинным сроком, хотя мы и получили позволение переписываться, но этого нам было мало.

И вот, переговорив с моими старшими, он обратился к своему отцу, который, представив ему

¹ Текст написан по полям страницы Л. 37.

² Текст написан на полях страницы.

³ Далее В зачеркнуто.

⁴ Слова курсивом вписаны сверху строки.

^{5*} после разных перипетий — прим. в ркп.

все резоны против брака студента, все-таки дал свое согласие и приехал к нам, чтобы потолковать // л. 41. обо всем с моей бабушкой, а в заключении мы с будущим свекром расцеловались. Потом Вл. Ник. сказал своей матери, с той стороны ждал отговора, но вышло наоборот, мать его очень довольна, была у нас, называла меня своей милой дочерью и т. д. Теперь ждем ответа от мамы; перед отъездом она благословила меня и выразила желание, чтоб я весной вышла замуж; нет ни малейшего сомнения, что она согласится, потому что она относится к Влад. Ник. хорошо и знает нашу долгую и глубокую привязанность. По получении же письма от матери, нас благословят (образа и солонка уже готовы) и мы если не терпеливо, то покорно и спокойно будем ждать весны. По окончании экзаменов и, если // л. 41 об. возможно до поста мы, скромно, без всякого парада, обвенчаемся и уедем на неделю из Москвы, м[ожет] б[ыть] в Тверь к его тетке, а затем вернемся и будем жить... До сих пор не могу себе представить, к[а]к это будет, чувствую что-то необыкновенное — хорошее, светлое, чистое будет и мне кажется, что солнце никогда не зайдет на нашем небе, а всегда будет светить нам и согревать нас своим любвеобильными лучами. Сейчас он уехал: сегодня раньше, п[отому] ч[то] ему хочется попасть на вечер к Ланину¹, издателю Курьера, там можно встретить интересных людей. Теперь ему лучше, но он был болен, у него был, нарыв в ухе и это меня сильно беспокоило. Теперь, кажется, беспокойств не предстоит, ну да и довольно, пора и вздохнуть не много.

//л. 42. Ведь не могли же мы быть покойны пока наша судьба не была окончательно решена. Теперь Вл. Ник. очень занят, он работает 10 и больше часов в день; писать ему некогда, но вы можете его заставить отвечать вам: пришлите ему в письме конверт, с написанным уже вашим адресом и наклеенною маркою, он устыдится и ответит. Советую это сделать, это его собственная мысль, относительно способа заставить ленивых писать, пусть на себе испытает ее действие.

Школа идет недурно: я много готовлюсь и читаю: сегодня Вл. Ник. привез мне «Историю рационализма в Европе»² Лекки³, хочу прочесть, это

¹ Ланин Николай Петрович (1832–1895) — московский купец 1 гильдии, Потомственный почетный гражданин, владелец и издатель газеты.

² Lecky, William Edward Hartpole. History of the rise and influence of the spirit of rationalism in Europe», 2 vol., 1865; «History of european morals from Augustus to Chalemagne», 2 vol., 1869.

³ Лекки (Lecky) Уильям Эдуард Гартполь (1838—1903) — ирландский историк; ученик Бокля, исследователь истории культуры.

хорошая вещь. Здоровье мое в настоящее время довольно хорошо, я покойна и потому и здорова. Учительница наша ничего себе, особа // л. 42 об. не глупая, но коробит меня в ней отсутствие такта и недостаточная тонкость чувства. Впрочем, она ведь не для компании мне нанята! Скажите вашей матери, чтобы она ответила на счет Коли тете Юле, Коля ушел с места и теперь находится между небом и землей. Похлопочите, маркиз, чтоб его поместили в Петербурге, ваше хорошее влияние может-быть исправит его.

Теперь не ждите скоро писем, у меня тоже занятый часовой на 10 в день и писать вам приходится ночью. А Вл. Ник. прочтите, нечего, а я его подражаю, что поддела его.

Прощайте, будьте умны и здоровы. Серафимочке⁴ лучше. Наши за границей скучают; и что это за болезнь незанятых людей — скука? Мне все некогда ее узнать. Посестрима.

№ 54

// л. 43. 22 октября 1879.

Вчера нас благословили, маркиз и я пишу это письмо, сидя перед портретом моего жениха. Узы молчания падают с вас, и Вы можете беспрепятственно говорить о том, что я выхожу замуж. Мы оба очень счастливы и покойны, вчерашний день был для нас таким светлым, таким радостным; нам и говорить не хотелось, мы сидели смирно и сознавали только, что теперь мы можем открыто, при всех любить друг друга. Наша свадьба будет весною, после экзаменов, хотелось бы успеть обвенчаться до поста. Надеюсь, что Вам удобно будет приехать. Свадьба наша будет самая скромная и мы тотчас же уедем в Тверь. // л. 43 об. Вл. Ник. просил меня спросить Вас получили — ли Вы его письмо; он писал Вам на прошлой неделе⁵. Теперь не сердитесь, у него дела по горло. Видеться мы будем раз в неделю по-прежнему и все в нашей жизни остается к[а]к было. Только в концертах я буду ходить с ним под

⁴ Попова Серафима Николаевна (1862–1894) — двоюродная сестра С. Ф. Платонова по материнской линии. Подробнее см., Митрофанов В. В. «... я друг всякого образования...»: письма С. Ф. Платонова двоюродной сестре Серафиме в 1880-е гг. (вступ. ст. публик., комментарий) // Петербургский исторический журнал. 2021. № 1. С. 199–221.

⁵ Объемное письмо было написано 9 октября (Митрофанов В. В. Историко-филологический факультет после С. М. Соловьева: профессорско-преподавательский состав и искания передовой молодежи в письмах студента В. Н. Беркута С. Ф. Платонову // Отечественная культура и историческая мысль XVIII — XX вв.: сб. ст. и материалов / под. ред. А. М. Дубровского. Вып. 5. Брянск: ИС, 2019. С. 176–180.

руку, да и дома ему можно будет сидеть и болтать со мною в моей комнате. Я очень занята; сегодня целый день пишу письма, отвечаю на поздравления, которых получила массу, а то и написать Вам иногда некогда; у меня на обед, отдых, чай и все такое, остается только 4 часа, 8 часов я сплю, 12 работаю, судите сами много-ли времени у меня? Теперь читаю психологию Троицкого // л. 44 и историю рационализма Лекки. Бокля окончила. Когда Вы узнаете скоро-ли надо подписаться на Семью и Школу¹ напишите мне, я пришлю Вам билет. Тетя получила Ваше письмо и рада, что Вы хотите позаботиться о Коле; сделайте это, это доброе дело. В настоящее время т[а]к трудно предпринимать к[а]кие-нибудь меры для улучшения положения² какой-бы то не было части нашего общества, что приходится довольствоваться микроскопической пользой, к[ото]рую мы можем приносить честным людям. А там, что Бог даст, будущее наше.

Устройте Колю, прошу Вас об этом, мне этот несчастный мальчик очень жалок; хотя он и испорчен, но в 17 лет все еще легко исправиться и, если Вы отнесетесь // л. 44 об. к нему с сочувствием и мягкостью, столь свойственно Вашему характеру, то я уверена, прок из него выйдет.

Помогите брату, Вы сами себе поможете. А знаете ли Вы, к к[а]кому грустному заключению, несмотря на все наше счастье мы пришли с Вл. Ник.? Мы убедились, что мы еще ничего не знаем и только начинаем учиться. А сколько знать надо, чтобы быть полезным и истинным человеком! Итак, маркиз, поздравляйте меня, я невеста. К[а]к я буду счастлива, когда [буду]³ поздравлять Вас к[а]к жениха! Но вот добрый совет: не любите рано очень, присматривайте, выбирайте и дай Бог Вам хорошо выбрать! Вл. Ник. крепко жмет Вашу руку, наш общий друг, и просит любить нас по-прежнему: мы все те-же. Маркиза.

Р. S. Мой поклон Вашей матери.

В Москве выходит прекрасная газета Курьер, направление честное, статьи иногда бывают прелестные, советую подписаться, она стоит всего 6 р. Боюсь только, что ее закроют⁴.

¹ «Семья и школа» — российский педагогический журнал, выходивший в 1871—1888 г. в Санкт-Петербурге. Основан писателями Еленой Апрелевой и Юлианом Симашко (первая занималась материалами литературными и гуманитарными, второй — естественнонаучными).

² Слово вписано сверху строки.

³ Слово пропущено.

⁴ Текст дописан сверху страницы.

№ 55

// л. 45. 13 ноября 1879.

Совестно мне ужасно перед вами, маркиз; на ваше милое поздравление, я не ответила ни слова, ни слова не писала вам по случаю болезни вашего отца, это довольно гадко с моей стороны и м[ожет] б[ыть] вы удовлетворитесь тем, что меня мучает совесть. Вчера пришло ваше письмо, и я между делом отвечаю на него, п[отому] ч[то] сейчас еду на обед к Поповым, к[ото]рые непременно хотели т[а]к[им] обр[азом] почтить жениха и невесту.

Это довольно глупо, но имеет ту хорошую сторону, что я лишний раз увижу В. Н. А, видимся мы не часто, раз в неделю, да еще в симфонических собраниях.

И все-таки, маркиз, я т[а]к счастлива, что ни в сказках сказать, ни пером описать этого нельзя. Я сделалась совсем новым человеком, // л. 45 об., и когда вспоминаю ту грустную, неудовлетворенную девушку, к[ото]рую вы знали в Харине, мне делается лучше, любя т[а]кого человека. Вы спрашиваете отчего я не пишу о себе, но видите-ли, я не умею в этом случае высказываться, а если и высказываюсь, то только тому, к кому относится все что я чувствую. Вы же знаете, что я люблю его больше всего на свете и считаю самым честным, нравственным человеком; вот все что я могу сказать вам, в этом вся моя жизнь и все мое счастье. И право хорошо живется на свете с этим чувством, я уверена и покойна и потому могу работать и приносить // л. 46 хоть ту небольшую долю пользы, к[ото]рая возможно при моих недостаточных знаниях. Но школа меня утешает: сегодня я поправляла первые самостоятельные описания моих учеников, тема: Зима, написано было очень недурно, конечно по плану. Особенно отличаются девочки. Сама я читаю Рационализм — Лекки и философию искусства Тэна, хорошие вещи. Для приготовления к урокам истории в школе Вл. Ник. рекомендовал мне Сиповского⁵, Родная Старина⁶: знаете ли это? Хо-

⁵ Сиповский Василий Дмитриевич (1844—1895) — российский историк, педагог, деятель народного образования. Автор популярной книги по русской истории «Родная старина», а также статей и заметок по вопросам педагогики. Преподавал историю великой княгине Ксении Александровне и великому князю Михаилу Александровичу. В последние годы жизни В. Д. Сиповский был директором Петербургского училища глухонемых.

⁶ «Родная старина» — объемный труд русского историка Владимира Сиповского по истории России. Первый том охватывает период древнерусской истории от древнейших славянских племен до XIV в., княжения Симеона Гордого, Ивана II, Дмитрия Донского, и нашествия хана Тохтамыша. Книга сколь объемная, столь же и небогата подробным фактическим материалом.

роший учебник, только жаль, что кончается татарщиной. Недавно слушали мы с В. Н. Демона¹; вот прелесть-то. Это опера сделала на нас впечатлительные столь сильное, что мы решили непременно слушать // л. 46 об. ее еще на будущий год. Концерты в этом году еще не представляли ничего особенного, но народу масса.

Не абонируйтесь для меня на Семью и Школу, не стоит, жидко. А что читаете-ли вы Курьера? Я только его и читаю.

Т[а]к Нейгард остаются? Очень рада, что это знакомство у вас укрепляется, но на сплетню обращать внимания не стоит; только маркиз, будьте осторожны не увлекайтесь, а то еще хуже не увлекайте. Девушки- народ впечатлительный, и им т[а]к редко приходится говорить по душе, что они слишком легко отдают ее тому, кто с ними обращается хорошо.

// л. 47. Сестра моя находится в Риме, я получила от нее милое письмо, но с грустным оттенком. Жаль ее, а помочь нельзя.

Однако прощайте, меня бранят за то, что я не одеваюсь, не браните хоть вы за то, что долго не писала. Будьте здоровы.

Желаю вашему отцу скорого выздоровления. Кланяйтесь Клеопатре Александровне. Маркиза.

P. S. Получили — ли вы письмо В. Н.?²

№ 56

// л. 48. 22 ноября.

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «1879».

Вы м[ожет] б[ыть] и сердитесь на меня, но я раньше писать вам не могла, да и теперь насилу урвала минутку. Занята я очень, а читаю мало, а все это происходит от того, что мы живем (извините!) у черта на куличках. Поедешь в Москву и вместо того, чтобы истратить на это несколько часов, истратишь целые сутки. Но вообще мне живется хорошо, конечно не безоблачное небо надо мною, но тучки к[ото]рые по временам затемняют мою жизнь, все же скоро пролетают и не имеют серьезного влияния на спокойствие моего духа. Да к[а]к же и не быть туч-

кам, когда надо всеми нами висит т[а]кая грозная туча, дающая знать о своем приближении и своей силе постоянными напоминаниями, вроде взрывов, и т. п.

// л. 48 об. К[а]к не бросать этой тучи тени и на нашу жизнь, к[а]к не отрываться от нее клочкам облаков, к[ото]рые, слава Богу, рассеиваются. Наконец, маркиз, моя жизнь будет безоблачна только на будущий год, когда она сделается вполне свободною, самостоятельную, когда она неразрывно сольется с жизнью моего мужа. А теперь — жду.

На ваше письмо мне хочется сказать. К[а]кой вы глупый, маркиз! Серьезно, я ведь считала вас проникательнее, я в прошлом году была уверена, что вы после первого отзыва моего о Вл. Ник. все поймете; пот[ому] я была недовольна вами, но все-таки уверенная, что м[ежду] нами слова не нужны представляла вам догадываться и вполне доверялась вам, если не словами, то действиями. Раз я спросила вас, понимаете-ли вы то, что происходит перед вами, а вы мне ответили: «Это тоже, что было зимою, только // л. 49 на другой подкладке». Признаюсь, этот отзыв оскорбил меня, и я стала с вами сдержаннее, но не разлюбила вас, а только была вами не довольна. Мои чувства к вам не изменились от всяких этих перипетий (виновата) они только упрочились, стали осмысленные. И вот я была вами не довольна, Вл. Ник. оправдывал вас и желал упрочить наши хорошие отношения. Осенью, когда благодаря услужливости некоторых милых друзей, наша переписка с В. Н. сделалась известною, я пережила тяжелые минуты волнения и страха, и писала вам правдиво и искренно. Но в ваших письмах не было прежней теплоты. Наконец, пришла весна, приехали вы и мы оба увидели, что мы³ более друзья, чем прежде, то мы еще более сблизились. Теперь у меня нет ничего недосказанного и неясного, я прямо и спокойно смотрю на нашу дружбу и уверена в ее прочности.

// л. 49 об. Будьте и вы со мною откровенны и просты, а главное не требуйте от меня, чтоб я говорила, когда мне не хочется, чтоб я писала о том, чего не хочу вам сказать и тогда все будет хорошо. Ну, дайте лапку, глупый маркиз, *ziami amici!*⁴ Советов на счет отношений к Н. не могу дать, ибо я вас обоих не вижу, но несмотря на все, что вы пишете, я боюсь за нее более, чем за вас. Т[а]кие — то и увлекаются. В. Н. очень много работает, похудел, это меня смущает, а меньше

¹ Демон — опера А. Рубинштейна в трёх действиях, семи картинах, на либретто П. Висковатова, по одноименной поэме М. Ю. Лермонтова. Премьера состоялась в Петербурге, 13 (25) января 1875 г. года, в Мариинском театре.

² Письмо было написано 2 ноября (Митрофанов В. В. Историко-филологический факультет после С. М. Соловьева: профессорско-преподавательский состав и искания передовой молодежи в письмах студента В. Н. Беркута С. Ф. Платонову // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв.: сб. ст. и материалов / под ред. А. М. Дубровского. Вып. 5. Брянск: ИС, 2019. С. 193).

³ Далее *еще* зачеркнуто.

⁴ Посланник друзей. — лат.

работать нельзя; не браните его за молчание, право-некогда. Мама и Соня в Риме, довольны, веселятся; ну и слава Богу. У нас тетя все хворает, бок у нее болит, это меня смущает. Ваша кошка необыкновенно мила, ласкова, игрунья, она и сейчас мешают мне писать: ловит перо. Прощайте, Маркиза.

№ 57

// л. 50. 26 декабря 1879 г.

Если я опять начну извиняться, то и конца этому не будет, поэт[ому] и не начинаю. Не писала, п[отому] ч[то] было некогда, да и не писалось, я ждала праздников, чтобы писать Вам, а когда 24-го получила Вашу телеграмму, то еще более почувствовала свою вину и вот в первую свободную минуту, пишу Вам. Из этой телеграммы я поняла, что Ваш отец болеет, а Вы при нем сиделкою. Бедный маркиз, к[а]к мне Вас жалко и к[а]к совестно за свое счастье! К[а]к выберется свободная минутка напишите, что у Вас делается: меня все это беспокоит. Воображаю к[а]к Вы исхудали и измучились; поберегите себя для Ваших друзей и для общества, к[ото]рому со временем Вы должны будите служить и к[ото]рому Ваши услуги будут нужны.

// л. 50 об. В. Н. говорил мне о Вашем намерении остаться на второй год и написал Вам наше мнение, хотя я по правде сказать мало могла сказать дельного в этом случае. Во всяком случае я разделяю вполне мнение, сформулированное им, но должна прибавить, что мое искреннее желание видеть Вас на моей свадьбе д[олжно] б[ыть] исполнено. Слышите, маркиз, не огорчайте меня в этот торжественный для меня день. Кстати, о торжествах, я и не поздравила Вас с праздником, с наступающим Новым годом. Чего пожелать Вам, побратим? Желая, чтоб 1880 год был для Вас покойнее и радостнее 1879, желаю, чтоб в этом году наша дружба укрепилась еще более, чтоб Вы смотрели на нас с В. Н. к[а]к на // л. 51 совершенно близких Ваших людей и чтоб те честные стремления, те гуманные, благородные порывы, к[ото]рые до сих пор я видела в Вас остались¹ в Вашей душе, чтоб из порывов и стремлений они сделались делом, глубоким убеждением, к[ото]рое бы руководило Вами во всю жизнь. А затем: Христос с Вами. И не думайте, что это противоречие, что мои религиозные убеждения не вяжутся с моим последним желанием.

К[а]к бы я не верила, но не могу смотреть на Христа иначе, к[а]к на идеал, на воплощение

¹ Далее из зачеркнуто.

всего чистого, человеческого, разумного, светлого и не могу не желать, чтобы мой друг носил на себе отблеск этого высокого, светлого образа. Христос умер за правду, я желаю, чтоб мой друг больше всего любил ее!...

// л. 51 об. А теперь о себе: мне хорошо. Порою небольшие, временные неприятности и огорчают меня, у меня много дела, но вообще я живу лучше, чем жила когда-либо. В одном я признаюсь Вам, маркиз, и то на ушко: Ужас, к[а]к долго тянутся эти 6 месяцев! Приходится утешать себя ежедневно мыслью, это время, слава Богу, не останавливается.

В школе мой класс идет хорошо, но за то остальное хромает. Учительница наша, хотя и рекомендованная инспектором, особа малоопытная и крайне небрежная, тем не менее ее придется выносить до весны, по мере возможности исправляя ее погрешности. Читаю я много, но на праздниках д[олжно] б[ыть] буду более всего наслаждаться Щедр[иным] к[ото]рого подарил // л. 52. мне В. Н. Что за прелесть «История одного города»! Прекрасное пособие для любителей отечественной истории. Из серьезных книг я читаю «Записки» Мирабо², «Очерки»³ Карлейля⁴, «Историю литературы XVIII в.» Гейссера, все вообще относящееся к истории XVIII в. и Великой франц[узской] революции. Постараюсь написать на праздниках сочинение, к[ото]рое мне дал В. Н. на ту же тему, думаю озаглавить «Предтечи революции». Я уже написала одно сочинение «Мирабо», теперь возьмусь за другое. Одно у меня горе: времени мало.

Здоровье мое в хорошем состоянии, я чувствую себя крепче, чем летом и прошлою зимою и даже мигренями страдаю редко, но не пополнела.

// л. 52 об. Из Рима мы получаем вести частенько; там был Терех[ов], но по-видимому не сделал хорошего впечатления на маму; было бы грустно, если бы сестра в этом случае не разделяла ее вкуса. Несмотря на то, что это тщательно скрывается, им кажется не особенно весело, да и мудрено при этой жизни когда-нибудь быть действительно веселыми и покойными. Трудно разобрать их! Мои

² Оноре Габриэль Рикетти, граф де Мирабо (1749–1891) — граф, деятель Великой французской революции, один из самых знаменитых ораторов и политических деятелей Франции, масон.

³ Речь идет о книге Карлейль Т. Герои и героическое в истории: публичные беседы Томаса Карлейля: с портретом автора и статьей переводчика о Карлейле / пер. с англ. В. И. Яковенко. 2-е удешевл. изд. СПб. : Издание Ф. Павленкова, 1898. 340 с.

⁴ Карлейль Томас (1795–1881) — британский писатель, публицист, историк, и философ шотландского происхождения.

Вам и Вашим родителям кланяются и поздравляют. Желая скорого выздоровления Вашему отцу, поцелуйте от меня Клеопатру Александровну. Что Коля? Вл. Ник. хотел писать Вам, но я не ручаюсь, что он это исполнит; уроки не прерываются и на праздниках у него.

И так до свидания, будьте здоровы и счастливы. Улыбнитесь разок в ответ на улыбку Маркизы.

№ 58

// л. 53. 4 января 1880.

Я поняла вас, маркиз, хотя не испытывала никогда точного такого состояния, какое испытываете вы.

Не хитрите, не насилуйте себя, все хотели ответить мне веселым письмом на мое, доставившее вам удовольствие письмо, но не даром вы зовете меня «проницательной маркизой», меня вы не обманите, зачем — же вы себя ломаете? Вам гадко, тяжело, тоскливо, ну и пишите это мне, или не пишите вовсе. Во всем вашем письме звучит фальшивая нотка и диссонанс т[а]к велик между веселыми словами и грустным настроением, это и за 700 верст слышно. Помочь вам в этом случае не могу, тут поможет всецелительное время. И у меня бывали минуты вроде этих и переживалось, и к[а]к видите «я жива // л. 53 об. и жива душа моя». Жива, но не здорова, утомлена. Пишу вам маркиз, после одной тяжелых, темных минут, к[ото]рые бывают и в моей светлой жизни; свет ведь в том и заключается, что я переживаю¹ эти минуты не одна; нам было обоим тяжело эти два, три дня, но теперь, к счастью все кончено; я вздыхаю полной грудью. Это было неизбежное, неотвратимое горе, причина его не в нас, не в окружающих, а во всем нашем нелепом, противоестественном строе жизни. А замечали — ли вы, маркиз, к[а]к нелепа, странна, корява вся обстановка нашей общественной, семейной и даже личной жизни? Сколько вериг, цепей, веревок, веревочек, паутинок гнетут, связывают, опутывают человека? И смешнее всего то, что всего труднее избавиться от паутинок; незаметные они, да и по привыкли мы все достаточно ко всякого // л. 54 рода путам, маленьким то и не чувствуем. Думаешь: свободен я, чист, ан глядь и тут тянет, и здесь прицепляется; захочешь оторвать, и тут беда, сростись они-веревочки-то и ниточки с нашим телом, да, кстати, и душу опутали. Ох, к[а]к трудно быть честным человеком. Т[а]к трудно, т[а]к трудно, что не многие за эту штуку берутся, да еще меньше исполняют ее.

¹ Далее *их* зачеркнуто.

Дай Бог, чтоб вам никогда не приходилось испытывать этого; желаю, чтобы путь честности был вам всегда не чересчур труден. Мудреное это все дело. А с другой стороны, посмотришь: что-ж и заслуга-то честных быть, когда и трудиться для этого не надо? Только знаете, что, маркиз, никогда не осуждайте тех, к[ото]рые на распутье стоят и колеблются, тех к[ото]рые с прямой дороги сворачивали, даже и тех к[ото]рые на долго // л. 54 об. оставляли ее. Вот она правда-то какая, даром не дается никому, а хочет она, чтоб для нее, матушки, себя поломали, отдали бы ей то, что нам мило и дорого, и тогда она сама придет. Да маркиз, тяжело быть честным человеком и дай вам Бог навсегда им остаться!

Вот что:² (опять ошиблась) Вл. Ник. был болен, хандрил, да и вообще его здоровье не в таком хорошем состоянии в к[а]ком бы должно быть. Вам и объяснять ненужно, что я пережила в это время: нельзя и рассказать, что испытываешь, когда видишь страдания любимого человека, а помочь ему не можешь. Пот[ому] я т[а]к боюсь за него, что даже пустое нездоровье меня через меру тревожит; у него не было ничего серьезного, но я буду ужасно счастлива, когда, наконец, пройдет это испытание и я буду вправе ухаживать за ним всегда.

// л. 55. Он писал вам на днях³; если вам будет хорошо напишите ему, только хорошее письмо и не спрашивайте о здоровье. Его болезнь- нервная.

Теперь начну отвечать на ваши вопросы: Берта Малиеч по моему впечатлению умная, ловкая, тонкая кокетка, но несомненно светская женщина, с большим запасом чуткости «и конечно стремлению к» успеху в обществе, «к[о]рый и дается ей скорее нежели другой, благодаря именно этой «чуткости» и этому уму. Вы сами говорите, что она шутить не умеет, а шутка, смех, это пробный камень человека; подделывается под серьезный тон, даже под задушевный тон легко, но попробуйте-ка смеяться, когда вам этого не хочется. Даже актерам это не всегда удается: слишком это непосредственное, невольное проявление настроения человека.

// л. 55 об. То же и шутка. Если она действительно хороший человек, то отчего же она не смеется и не шутит к[а]к хороший, серьезный человек? Ведь это т[а]к естественно, т[а]к понятно, что человек шутя высказывает то, что он думает серьезно; а если тут противоречие, тогда дело плохо.

² Далее *муж-мой* зачеркнуто.

³ Письмо датируется 11 декабря 1879 г.

Вот мое мнение, не выдаю его ни за что более, к[а]к за предположение. А теперь желаю вам здоровья и спокойствия, желаю, чтоб ваш отец поправился, а мне пожелайте, чтоб Вл. Ник. был здоров и время шло поскорее.

Мои благодарят за поздравления и кланяются вам. Свадьба моя будет до 8-го июня, м[ожет] б[ыть] 4-го. Если я сделаю свою карточку, оставить вам одну? Будьте здоровы. Маркиза. Что делает Коля?

Неужели вам и теперь Русс[кий] Курьер не нравится?¹

№ 59

// л. 56. 11 февраля 1880.

Тверская Лоскутная гостиница²

Друг мой, конечно это письмо поразит вас: я уже замужем. Меня чрезвычайно огорчило то, что вы не были на моей свадьбе, но обстоятельства сложились т[а]к[и]м обр[азом], что мы не могли дожидаться весны. Если вы читаете Курьер, то знаете, о чем я говорю; в № от вторника прошлой недели было напечатано известие о том, что в скором времени будет воспрещено студентам жениться, вы можете себе представить к[а]кое впечатление это произвело у нас. Отец Воли навел справки и оказалось, что известие это совершенно верным и новое правило войдет в силу на этой, т. е. теперешней неделе. Оставалось обвенчаться поскорее, что мы и сделали в пятницу; выписывать вас не было никакой возможности, п[отому] ч[то] мы еще в среду вечером не знали, к[а]к мы устроимся с бумагами // л. 56 об., но все сделалось отлично; бумаги выдали Воле в четверг, а в пятницу в 11 ½ часов я приехала в церковь и без десяти в час была женою моего Воли. Вы не поверите маркиз, к[а]к хорошо! К[а]кое светлое и хорошее чувство у меня в душе. Мы пробыли первые два дня в Симонове, а теперь находимся в Лоскутной гостинице, где заняли маленький номерок и где намереваемся пробыть с месяц, пока мы не найдем квартиры. Все устраивать буду я, п[отому] ч[то] моему мужу совершенно нет времени этим заниматься, а мне теперь делать нечего. Мои все довольны, хотя им пришлось очень много хлопотать в это тревожное время; но свадьба наша несмотря на ее неожиданность, а м[ожет] б[ыть]: и вследствие именно // л. 57. этой неожиданности была чрезвычайно весела и оставила всем впечатление чего-то ра-

достного, веселого, светлого. О нас и говорить нечего: Если б вы видели к[а]кие счастливые люди сидят в настоящую минуту друг против друга в крошечной комнатке и радуются всему, что их окружает, а всего более тому, что они теперь неразрывно связаны. Знаете, маркиз, когда придет время, женитесь, но только т[а]к же хорошо к[а]к мы. Посаженым отцом был у меня Мартынов, а шаферами Попов и младший Маслов; у Воли шаферами были Фед[ор] Маслов и Корелин³. После обеда все разъехались, и мы вечер проводили со своими. Воли не пришлось гулять и отдыхать после свадьбы, он сейчас-же взялся // л. 57 об. за работу и теперь готовится к уроку. Известите его, маркиз, если он не скоро вам напишет; у него еще прибавилось дела; рефераты по логике и времени будет еще меньше; за нас обоих буду писать я. Это известие, вероятно, поразит вас, но я знаю, что наш друг, любя нас порадуется нашей радости и разделит ее. Желаю вам всего, всего хорошего, здоровья и спокойствия духа. К[а]к почтенная замужняя женщина беру на себя смелость поцеловать вас в⁴ головку и прошу видеть прежнюю маркизу в друге вашем. Евгения Беркут.

Времени мало, а поэтому могу только с невыразимою радостью поцеловать вас в губы, дорогой друг. Влад. Беркут.

№ 60

// л. 58 13 марта 1880.

Какой вы смелый, маркиз, того гляди и обидитесь за мое молчание, а когда-же мне было писать вам, когда я все это время устраивалась и благодаря этому пишу вам сегодня в своей квартире, за своим собственным столом. Хорошо, восхитительно хорошо! Чувствуешь себя свободной, покойной, счастливой, т[а]к уверенно можно смотреть вперед и предстоящая работа не страшна. Что вы — то хандрите? Стыдитесь, маркиз, теперь надо быть бодрым духом и сильным телом, пот[ому] что «жатвы много, а делателей мало»⁵. Хотелось бы теперь поговорить с вами о многом, высказать многое, но... и на это теперь почта? // л. 58 об. Разве того, чтобы отягощать друзей своих разными просьбами, что я и сделаю сейчас. В настоящую минуту у меня сидит Алмазов, который через неделю отправляется в П[етер]Б[ург] с тем, чтобы поступить в Академию Художеств. Проблески таланта у него есть, хва-

³ Корелин Михаил Сергеевич (1855—1899) — русский историк, ординарный профессор Московского университета.

⁴ Далее *щечку*- замазано.

⁵ Мф. 9:37.

¹ Предложение написано на полях.

² «Лоскутная» — одна из наиболее известных гостиниц Москвы второй половины XIX — начала XX в.

тит ли усидчивости, вот в чем вопрос. Во всяком случае хотелось-бы помочь ему выйти на дорожку, в чем вы должны мне содействовать. Считаю вас своим другом, я прямо рассчитываю на вашу помощь и уверена, что вы мне в ней не откажете. У Алмаз[ова] доходу в месяц 20 р., вы сами знаете, что этого мало на прожитие, особенно в П[етер]Б[урге], ну вот // л. 59 и надобно достать ему урок или какое-нибудь занятие, которое-бы доставило ему еще некоторое материальное пособие. Вероятно, вам, при вашем большом знакомстве не трудно будет это сделать, а если это и трудно, то вы все-таки сделайте все от вас зависящее для Алмазова, п[отому] ч[то] это моя первая серьезная просьба. Мой муж также очень просит вас об этом, не откажите нам. Не можете — ли вы найти Алм[азову] недорогое помещение со столом, или без оно, в последнем случае укажите ему, где дешевле кормиться. Когда он немного обживется познакомьте его с людьми порядочными, которые бы приняли в нем участие и не смотрели бы на его // л. 59 об., потертый сюртук, к[а]к на признак неблагонадежности. Он человек бестолковый и несчастный, я немножко жду от него в будущем, но нельзя бросать человека, к[а]к собаку. Если Рихтер мож[ет] ему помочь, то, пожалуй, попросите его от моего имени, впрочем, это лишь в том случае, если вы будите уверены, что он ему серьезно поможет. Прошу вас обратить все ваше внимание на Алмаз[ова]; он явится к вам с моим письмом, примите его и дайте хороший совет. Мы устроились отлично, платим 400 р. за хорошенькую, светлую и высокую квартиру. М[ожет] б[ыть] скоро напишу, пишите вы. Евг[ения] Беркут.

Наш адрес: Каретный ряд, 3-й Спасский пер. дом Немчинова, квар. № 11.

// л. 61. Податель этого письма есть тот самый Алмазов, о котором я вас просила. Прошу вас принять его ласково и помочь ему всячески, все что сделаете для него, вы сделаете для меня. Евгения Беркут.

13 марта 1880 г. Алмазова зовут Николай Борисович.

// л. 60 20 марта.

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «80».

[Вы пишите: «стыдитесь хандрить». Но разве может не хандрить человек, у которого семья вот уже 5 месяцев расстроена, которого отец представляет до сих пор тяжелое зрелище; который чувствует, что у него мало сил, что его не хватило на эти 5 месяцев, что он глубоко расстроен

нервами и близок к серьезному психическому расстройству. Разве можно не хандрить, когда, отыскивая в себе то, что зовется твердостью духа, он находит одну жалкую способность к сарказмам, иронии и смеху сомнительного качества, когда, убегая от самого себя и уступая приглашениям ради того, чтобы не разорвать когда-то дорогих знакомств., он бежит от людей, потому что перестать понимать их радости и печали; когда видя разлад между внешней и внутренней жизнью своей, человек чувствует, что он не в силах уничтожить его; когда желанье жизни и деятельности на «жатве многой» // л. 60 об. желанье, столь ясно сознаваемое, разбивается о расстройство памяти и других познавательных способностей; когда, наконец, человек видит, что его обычные стремления и симпатии теряют день ото дня свою интенсивность, а между тем окружающие обстоятельства не дают ничего утешительного, кроме слабой надежды, более рассудочной, на будущее. Вот весь я! Присмотритесь ко мне и скажите по сердцу: можно ли не хандрить? И стыдно ли хандрить?!¹

№ 61

// л. 62. 19 апреля.

Не стану извиняться, п[отому] ч[то] уверена, что вы меня и без того простите для светлого праздника, а виновата я очень перед вами: пишу редко, да отрывочно. Но что — писать? Вот в чем вопрос. Описывать по мелочам нашу тихую жизнь не стоит, а более нечего писать. Довольно с вас будет, если я скажу вам, что я счастлива, т[а]к счастлива, к[а]к бывают немногие, к[а]к я не мечтала никогда быть. Для вас это понятно: вы знаете моего мужа. Экзамены у него уже начались и часть их окончилась благополучно; готовимся мы вместе, т. е. читаем // л. 62 об. лекции. Больше я ничего не делаю, п[отому] ч[то] не приходится: начала искать уроков, но пока не нахожу ничего.

Я рада, что Бестужев дал вам хорошую работу; конечно История земск[их] соборов заслуживает большого внимания нежели Дипломат[ические] сношения. Удивляюсь, к[а]к вам могло прийти в голову взяться за подобную тему.

Что-же касается ваших оправданий относительно увлечений, то я отвечу вам французской половицей: «Qui s'excuse j'accuse»².

Относительно Алм[азова] я совершенно согласна с вами и давно уже оставила всякую

¹Текст в квадратных скобках написан рукой С. Ф. Платонова.

²Кто оправдывается, тот сам себя выдает; на воре шапка горит; кто извиняется, того я и обвиняю.

// л. 63 надежду на его перерождение; исправиться он не может, ему надобно переродиться, это конечно невозможно. Спасибо вам за заботу о нем, нельзя же его бросить? И знаете это очень тяжело возиться с безнадежно больным. Поэтому еще раз спасибо. Скажите ему от нас, что мы ждем его письма, а не то рассердимся. Интересно узнать, какое впечатление делает на него С-П[етер]Б[ург].

Моя сестрица была больна корью, но теперь поправляется, в начале или середине мая будет здесь и вы, приехавши в Москву, // л. 63 об. вероятно, ее застанете. Она немного скучает, ей надоело тормошение, да и неудивительно. Пора! Желая вам хороших праздников, не пишу больше, п[отому] ч[то] мне предстоит идти на площадь с мужем; завтрашня в Кремле производят говорят необычайное впечатление, и я хочу испытать его; поэтому то ложусь отдохнуть немного. Муж вам кланяется и настоятельно просит ответить на его вопрос о профессорах. Мой поклон Клеоп[атре] Алек[сандровне], будьте здоровы, кланяйтесь от нас Алм[азову]. Евгения Беркут.

№ 62

// л. 64 Карандашная помета С. Ф. Платонова: «24-IV-1880».

Сегодня пришли оба ваши письма, к[а]к не стыдно писать такие вещи: «я для вас только корреспондент из Петербурга!» В наказание скажу вам, что последнее письмо я писала слабая и больная, писала потому что не хотела рассердить и огорчить вас для праздника молчанием. Правильная переписка! Какой вы смешной, но разве я могу быть всегда свободна, когда захочу писать вам, и, наконец, могу я при свободном времени быть не расположенной писать?

Мика велит вам сказать, что Публ[ичная] Библ[иотека] в Москве летом закрыта, м[ожет] б[ыть] останется открытой // л. 64 об. Универ[ситетская] Библ[иотека]; он вам это узнает, и я напишу, других-же ресурсов нет.

Он советует вам, пользуясь знакомством с Бестуж[евым] набрать на его имя книг на все лето из вашей Универ[ситетской] Библ[иотеки]; что будет самое верное.

Я очень рада, что вы будите летом в Москве, но что этому за причина? Алм[азов] в ужасном положении, тетя получила от него письмо, он чуть не голодает. Очень жаль, что он не сумел себя поставить у вас; но вы не оставляйте его. Уста-

ла, прошла сегодня около 8-ми верст. Прощайте. Евгения Беркут. 24 апреля.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 2274. Л. 22–64 об.

№ 63

// л. 1. 5 ноября.

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «80 г.»
Хорошо, что вы написали мне такое письмо, а то бы я, пожалуй, еще долго прособиралась писать вам, теперь же зная, что вам нужно мое письмо, я и принимаюсь за него. Прежде всего о деле. Жили были на свете три брата Константин, Петр и Иван Федоровичи Калайдович: двое были умные, а третий т[а]к себе; Константин, сотрудник Востокова и переводчик Иоанна¹ экзар[ха] болгарского был женат и имел четырех детей: сына Николая (моего отца) и трех дочерей, двух дур и одну умную; дуры вышли замуж одна за Исакова, другая за Подгиненного и живы до сих пор, умная умерла старой девицей. От Ник[олая] Кон[стантиновича] осталась одна дочь, к[ото]рая и т. д. Петр Константинович² // л. 1 об. оставил двух дочерей и сына Ивана очень умного человека, к[ото]рый служит в П[етер]Б[урге] и занимает важное место. От Ивана осталось многочисленное потомство, сколько именно я не помню, но д[олжно] б[ыть] человек 5–6. Все дочери, сын один, не глупый, но лишенный образования человек, служит где-то в Москве и перебивается кое-как. Со всеми этими моими родственниками я знакома мало, или почти не знакома, знала только умершую тетку-девицу, это была очень умная и даже довольно образованная особа. Если эти сведения вас удовлетворят, буду очень рада. Мика поищет для вас отчет Моск[овского] унив[ерситета] с речью Беляева и вышлет, когда найдет. Не можете ли Вы // л. 2 препроводить мне к[а]к-нибудь лекции Ключевского, хоть не скоро, но до января, м[ожет] б[ыть] будет оказия.

... Я поступила на высшие женские курсы Герье³, слушаю я не всех, а по выбору не стоит. Корелин попал в число избранных, он читает довольно интересно, хотя дает слишком много сырого материала, видно еще // л. 2 об, что не успел

¹ Иоанн (начало 2-й половины IX — 1-я треть X) — болгарский экзарх, писатель, экзегет и переводчик, председатель Преславской книжной палаты. Современник болгарского царя Симеона I.

² Отчество исправлено сверху на *Федорович* карандашом.

³ Московские высшие женские курсы (МВЖК) — высшее учебное заведение для женщин в России. Существовали с 1872 по 1918 год (с перерывом в 1888–1900 годы), после чего были преобразованы во 2-й МГУ.

переварить всего. Восхитительно читают Чупров¹ и Ключевский; Первый — политическ[ую] экономию, второй XVIII в. в России. Сам Герье дает очень дельные содержательные лекции, но жаль, что его голос, дикция, наружность, манера изложения т[а]к антипатичны, что портят дело; но я слушаю его не без удовольствия, хотя он утомляет. Читает Франц[узскую] Революцию. Стороженко² усыпляет меня бормотанием прошлогодних студенческих лекций, к[о]рые он отчасти составлял по журнальным статьям; он бормочет о Возрождении. Виноградов³ читает дельно к[а]к Герье, но т[а]к же не приятно и менее ясно. Веселовский⁴ по русск[ой] словесности дает художественные очерки // л. 3 общественной жизни в XIX в. и ведет прескучные семинарии, на к[о]

¹ Чупров Александр Иванович (1842—1908) — российский учёный-экономист, статистик, общественный деятель, член-корреспондент Петербургской АН.

² Стороженко Николай Ильич (1836—1906) — русский литературовед, шекспировед, профессор Московского университета.

³ Виноградов Павел Гаврилович (1854—1925) — русский историк-медиевист и правовед, ординарный профессор Московского университета.

⁴ Веселовский Александр Николаевич (1838—1906) — русский историк литературы, профессор (с 1872), заслуженный профессор (с 1895) Петербургского университета, ординарный академик Петербургской АН (с 1881).

рых я, впрочем, не участвую. К Герье на семинарии я хожу и подала ему один реферат, а он меня сегодня наградила двумя чужими, к[ото]рые я должна разбирать. Тема у нас: Мотивы к[ото]рые привели Лютера к отпадению от Церкви, источников много, а времени мало.

Если б я была немного поздоровее и покрепче я бы могла больше работать, но я скоро утомляюсь. Ника завален работой страшно, он похудел и очень устаёт. Если б не это, нам жилось бы совсем хорошо, несмотря на плохое состояние наших финансов; мы об этом не горюем, // л. 3 об. хотя бывает, что в кармане 4 к. и даже по конной ехать нельзя. На будущий год надеюсь, что наши средства улучшатся, м. б. Мика получит место, а я уроки. Но все-таки живем мы хорошо, часто видимся с Корелиными, то у них, то у нас собирается кружок молодежи, к[ото]рая готова и подурчиться и поохотаться после серьезной и иногда тяжелой работы. Вообще жизнь хорошая вещь и дай Бог прожить т[а]к подольше. Когда сидишь за книгой, или беседуешь с друзьями, забываешь многое и многое из житейских невзгод. Прощайте устала, м. б. скоро напишу еще. Поклон вашим. Маркиза.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 2275. Л. 1–3 об.

Список литературы

1. Митрофанов, В. В. Историко-филологический факультет после С. М. Соловьева: профессорско-преподавательский состав и искания передовой молодежи в письмах студента В. Н. Беркута С. Ф. Платонову / В. В. Митрофанов // Отечественная культура и историческая мысль XVIII — XX вв. : сб. ст. и материалов / под. ред. А. М. Дубровского. Вып. 5. — Брянск : ИС, 2019. — С. 151–218.
2. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, им самим описанная. Пребывание и служба в России от 1761 до 1765 гг. Известия о тогдашней русской литературе / пер. с нем. с примеч. и прил. В. Кеневича. — СПб., 1875. — 532 с.
3. Библиографические и исторические примечания к басням И. А. Крылова. Ко дню столетней годовщины рождения И. А. Крылова / сост. В. Кеневич. — СПб. : Отделение рус. яз. и словесности Акад. наук, 1868. — 288 с.
4. Кеневич, В. Ф. Историческое значение басен Крылова (Отечеств. Война)/В. Ф. Кеневич. — СПб. : тип. Акад. наук, 1864. — 22 с.
5. Платонов, С. Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Платонов С. Ф. Собрание сочинений : в 6 т. — М. : Наука, 2017. Т. 5. — С. 214–252.
6. Митрофанов, В. В. «Хорошо еще, что у меня есть такой друг...»: письма Е. Н. Калайдович С. Ф. Платонову (вступ. ст. публик. коммент.) / В. В. Митрофанов // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. — 2021. — № 1. — С. 89–110.
7. Цыганков, Д. А. Университетская повседневность на страницах дневника Михаила Корелина / Д. А. Цыганков // *Вестник СПбГУ. История*. — 2016. — Вып. 3. — С. 120–134.
8. Цыганков, Д. А. В. И. Герье и Московский университет его эпохи / Д. А. Цыганков. — М. : ПСТГУ, 2008. — С. 211–214.
9. Переписка В. И. Герье и М. С. Корелина // *Terra Eupora*: интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века / под общ. ред. Д. А. Цыганкова. — М. : Политическая энциклопедия, 2014. — С. 449–635.

10. Ильяшенко, Н. А. Студенческий вопрос в Московском университете конца XIX в. На страницах дневника М. С. Корелина / Н. А. Ильяшенко // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. II. — 2014. — № 1. — С. 107–112.

11. Письма С. Ф. Платонова Я. Л. Барскову и С. А. Белокурову / подг. В. Г. Бухерт // Археографический ежегодник за 1998 год. — М. : Наука, 1999. — С. 380.

12. Колобков, В. А. С. Ф. Платонов и В. О. Ключевский (За строкой некролога. По материалам архива С. Ф. Платонова) / В. А. Колобков // Ключевский : сб. материалов. — Пенза, 1995. — С. 140–148.

Сведения об авторе

Митрофанов Виктор Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Университета при Межпарламентской ассамблее при ЕврАзЕС. Санкт-Петербург, Россия. viktor-n1962@mail.ru

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2021. No. 2. P. 137–157.

“...Always Remain a Devoted Friend...”: Letters of E. N. Kalaydovich (Berkut) to S. F. Platonov 1879–1880:

V. V. Mitrofanov

*University attached to the Inter-Parliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community,
St. Petersburg, Russia. viktor-n1962@mail.ru*

The published letters for 1879 and 1880 show that at this stage the friendship that arose between S.F. Platonov and E.N. Kalaidovich experienced a crisis, which, to the satisfaction of the parties, was successfully overcome. V.N. Berkut, a student of Moscow University, harmoniously fitted into the circle of their communication.

At this time, great changes took place in the life of correspondents. They affected, first of all, their personal life. S.F. Platonov successfully studied at St. Petersburg University but his life was overshadowed by the illness of his father and the death of the first professional reviewer of his poetic experiments, V.F. Kenevich.

For E.N. Kalaidovich the fateful meeting with V.N. Berkut ended with a wedding and turned her whole life upside down.

The mutual correspondence between S.F. and E.N. continued to be an important factor of beneficial mutual influence to which their common new friend actively joined.

The letters contain quite a bit information about the process of education of our heroes. The circle of E.N.'s reading included authors, first of all, foreign professional historians and philosophers, whose works V.N. needed to study.

The proposed epistolies allow us to concretize certain little-known facts from the student life of S.F., and specified the time of his receiving lectures by V.O. Klyuchevsky. For the first time, the name of M.S. Korelin, a future professor who was on friendly terms with V.N., is mentioned. The letters give a lot of interesting information about the latter, against their small number, which is valuable for replenishing the pages of his creative biography.

Keywords: *S.F. Platonov, E.N. Kalaidovich, V.N. Berkut, crisis of communication, friendship, mutual influence, correspondence.*

References

1. Mitrofanov V.V. Istoriko-filologicheskiy fakultet posle S. M. Solovyeva: professorsko-prepodavatelskiy sostav i iskaniya peredovoy molodezhi v pismakh studenta V. N. Berkuta S. F. Platonovu [Faculty of History and Philology after S. M. Soloviev: the Staff and Searches of the Young in the Letters by the Student V. N. Berkut to S. F. Platonov], in: *Otechestvennaya kultura i istoricheskaya mysl XVIII–XX vv.* [Domestic Culture and Historical Thought of the 18th–20th Centuries: Collection of Articles and Materials]. Vol. 5. Bryansk, IS, 2019, pp. 151–218. (In Russ.).

2. *Obshchestvennaya i chastnaya zhizn' Avgusta Lyudviga SHlecera, im samim opisannaya. Prebyvanie i sluzhba v Rossii ot 1761 do 1765 gg. Izvestiya o togdashednej russkoj literature* [La vie publique et privée d'August Ludwig Schläzer, décrite par lui-même. Séjour et service en Russie de 1761 à 1765. nouvelles de la littérature russe de l'époque]. St. Petersburg, 1875. 532 p. (In Russ.).

3. *Bibliograficheskie i istoricheskie primechaniya k basnyam I.A. Krylova. Ko dnyu stoletnej godovshchiny rozhdeniya I. A. Krylova* [Notes bibliographiques et historiques sur les fables de I. A. Krylov. Pour le centenaire de la naissance de I.A. Krylov]. St. Petersburg: Otdelenie rus. yaz. i slovesnosti Akad. Nauk. 1868. 288 p. (In Russ.)
4. Kenevich V.F. *Istoricheskoe znachenie basen Krylova (Otechestv. Vojna)* [La signification historique des fables de Krylov (Patria. Guerre)]. St. Petersburg, 1864. 22 p. (In Russ.)
5. Platonov S.F. *Neskol'ko vospominanij o studencheskih godah*. Platonov S. F. *Sobranie sochinenij: V 6 t.* [Platonov S. F. *Collection d'œuvres: En 6 vol.*]. Moscow, Nauka. 2017. Vol. 5. Pp. 214–252. (In Russ.)
6. Mitrofanov V.V. «Horosho eshche, chto u menya est' takoj drug...»: pis'ma E, N. Kalajdovich S. F. Platonovu (vstup. st. publik. komment.) [«Il est bon que j'ai un tel ami...»: lettres à E, N. Kalaydovich S. F. Platonov (introduction. art. de comment.)], in: *Magistra Vitae: elektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii* [Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology], 2021, no. 1, pp. 89–110. (In Russ.)
7. Cygankov D.A. *Universitetskaya povsednevnost' na stranicah dnevnika Mihaila Korelina* [Le quotidien universitaire sur les pages du journal de Mikhaïl Karelin], in: *Vestnik SPbGU. Istorija* [Gazette De Saint-Pétersbourg. Histoire], 2016, vol. 3, pp. 120–134. (In Russ.)
8. Cygankov D.A. *V. I. Ger'e i Moskovskij universitet ego epohi* [V. I. Gerier et l'Université de Moscou de son époque]. Moscow, PSTGU, 2008. Pp. 211–214. (In Russ.)
9. Perepiska V.I. Ger'e i M. S. Korelina [Correspondance entre V. I. Guerier et M. S. Corelin]. *Terra Europa: intellektual'noe prostranstvo moskovskih istorikov vtoroj poloviny XIX veka* [TerraEuropa: l'espace intellectuel des historiens de Moscou de la seconde moitié du XIXe siècle]. Moscow, Politicheskaya enciklopediya, 2014. Pp. 449–635. (In Russ.)
10. Il'yashenko N. A. *Studencheskij vopros v Moskovskom universitete konca XIX v. Na stranicah dnevnika M. S. Korelina* [Question étudiante à l'Université de Moscou de la fin du XIXe siècle. Sur les pages du journal de M. S. Korelin], in: *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo un-ta. Seriya II* [Herald of The Orthodox Saint-tikhonovsky Humanitarian un-ta. Gris. II], 2014, no. 1, pp. 107–112. (In Russ.)
11. Pis'ma S.F. Platonova Ya.L. Barskovu i S. A. Belokurovu [Lettres de S. F. Platonov à Y. L. Barskov et S. A. Belokurov], in: *Arheograficheskiy ezhegodnik za 1998 god* [Annuaire archéologique de 1998]. Moscow, Nauka, 1999. 383 p. (In Russ.)
12. Kolobkov V.A. *S.F. Platonov i V.O. Klyuchevskij (Za strokoj nekrologa. Po materialam arhiva S. F. Platonova)* [S.F. Platonov Et V. O. klyuchevsky (Derrière la ligne de la nécrologie. D'après les archives de S. F. Platonov)], in: *Klyuchevskij* [Klyuchevsky]. Penza, 1995, pp. 140–148. (In Russ.)